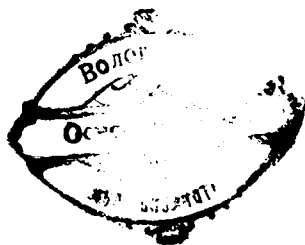

Моему Владимиру.

АЛЫЕ СТРУНЫ.

Родись, коммунар!

Моему Воле.

Непогода на улице. Грозные тучи
В грозу роковую слились...
Впервые под ветер сурово-могучий
Услышал я слово „родись!.“

Родись, коммунар! темноту вековую
Державным порывом развей.
Слышь, ветер поет свою песню немую?
Родись, коммунар, не робей!..

Мир вулканится адским порывом,
Кровь, как дождик осенний, кропит...
Солнце выжгло плодливые нивы,
А мессия суровый все спит...

Ты, вскормленный веками в позоре,
И нужду и неправду поймешь,
И в волнах беспредельного горя
Впереди, миллионный, пойдешь!

Непогода, ты слышишь, тревожится,
И гроза катастрофой полна?
Это—горе народное множится...
Торопись, коммунар, уж пора!..

14/1—23 г.
Юхнево.

Зимнее небо.

I.

Небо зимнее морозно
И прозрачно, как стекло,
Синевой своей холодной
Млечный путь заволокло;

Миллиардами маяков,
В светлой радуге цветов,—
Шлет таинственные знаки
От неведомых богов...

II.

Разговор между собою
Звезды ясные ведут...
Неба синей пеленою
В необ'ятное зовут;

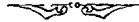
Содрогаются слезливо
На ресницах голубых,
Или прячутся стыдливо
В лоно далей огневых ..

Небо зимнее, всегда ли
Синева твоя горит
И в таинственные дали
Взоры жадные манит?

Холода твоей зеркальной,
Необ'ятной высоты
Приковали мертвой сталью
Наши давние мечты...

14/II—23 г.
Вологда.

Прошлому

Посв. Мане М—й.

I.

После долгих лет разлуки--
Встреча первая с тобой
Пробудила в сердце муки,
Пережитые порой. .

II.

Ты такая же, как прежде,
Так же светит ясный взор.
И улыбка, и в одежде—
Тот же жгучий приговор.

Те же милые манеры—
Уклоняться и молчать,
И в движениях Венеры
Вековечная печать.

Много, много качеств старых,
Чем полна твоя душа..
Словно звонкий зов гитары,
Ты мила и хороша!

III.

Но прошло, чему бывало
Сердце жгучее мое
Ласки бурно отдавало
И любило, и цвело...

И страдало в скуке томной
Под напевы вечеров,
Вечно хмурых, вечно темных
У заезженных дворов.

IV.

Помнишь зимние морозы,
Говор Суландских лесов,
Встречи старые и слезы
После милых, нежных слов?

Помнишь пламенные взгляды
И знакомое „люблю!“,
Песню тихой серенады,
Что, бывало, запою.

V.

Даже в камере тюремной
И холодной и немой—
Образ твой, как луч весенний,
Был всегда передо мной...

Всюду, где бы дни разлуки
Ни застали бы меня—
Все одни и те же муки,
Думы только про тебя! .

VI.

Но прошло... Года, как волны,
Смыли первые мечты.
Быстро жизненные челны
Образ милый унесли...

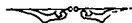
VII.

Только там цвели фиалки,
И резвились мотыльки,
Где лобзания сливались
В бурно-страстные ручьи.

.
.

После долгих лет разлуки, —
Встреча первая с тобой
Пробудила в сердце муки,
Пережитые порой.

Январь 23 г
Юхнево.

Проститутка.

Шумит проспект таинственным разгулом,
Угар чадит в иссохших головах...
Лишь крик несется в даль зловещим гулом,
И нет любви в испорченных сердцах.

Средь них одна, как тень, с поникшей головою,
Знакомая толпе продажною красой...
Идет, в душе с болезненной мольбою,
И грудь горит несказанной тоской...

Уж сколько лет—не помнит—крик разгульный;
Она—во власти денежных владык.
Уж сколько лет горит продажностью огульной
Печальный взор и бледный цвет ланит.

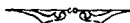
Была когда-то девушкою чистой,
Цвела, как роза алая в саду.
Теперь она чадит туманом мгlistым,
У всех, как вызов наглый, на виду;

И крик проспекта шумного тревожит
Ее тогда лишь сильною тоской,
Когда больную грудь сомнение гложет,
И зависть давит гробовой доской...

Чего жалеть? в бессветной тьме разгула
Вернуть нельзя лазурные огни...
Идет она в чаду шального гула
И ночи темные и радостные дни...

Идет, как тень, преступно и тоскливо,
Глаза полны болезненной мольбой...
Шумит проспект насмешкою визгливой,
В ушах невольницы своей *святой*.

16/II—23 г.
Вологда.

Узник.

Я сегодня цепь неволи
С тяжелой болью волоку —
Неизведанные боли
И проклятую тоску.

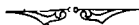
Я сегодня в клетке мертвой
Жалким узником сижу,
И сквозь ржавую решетку
В даль лазурную гляжу.

Грудь мятежную тревожит
Не решетка и тюрьма —
Сердце огненное гложет
Злоба тайная моя! ..

.

Я сижу в тисках неволи...
С тяжелой болью волоку
Неизведанные боли
И проклятую тоску...

1920 г.
Соловки.

Русская девица.

Не рабыня, а орлица,
Косы русые до пят.—
Это русская девица!
Горд, как солнце, ясный взгляд!

Поступь твердая, сноровка
И застенчивость души,
Светлорусая головка—
Хоть возьми да напиши!

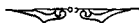
Вся огонь и страсть немая,
Берегись, а то сгоришь!
В сети жгучие поймают
И полюбят, так смотри-ж!

Не изменит, коли станешь
Верным избранником ей.
А изменишь—в сердце всадит
Нож—кинжала поострей!

*
* *

Не рабыня, а орлица,
Косы русые до пят,—
Это русская девица!
Горд, как солнце, ясный взгляд!

12/1—23 г.
Юхнево.

Песня.

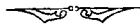
Выйду в поле, на просторе
Песню лета запою
И свое девичье горе
В этой песенке залью.

Солнце ласками сегодня
Нежит благостно поля. .
Но и призрак прошлогодний
Давит ужасом меня:

Лето, лето, неужели
Снова, с холодом лихим,
Встретим зимние морозы
На потеху силам злым?

Выйду в поле, не поверю
Солнца ласковым лучам
И свое девичье горе
Буйной песенке отдам.

24/II - 23 г.

Ночь.

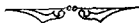
Темно, темно на улице
И тихо—ни гу-гу...
Лишь ночка что-то хмурится
В сугробистом снегу.

Как жгучая красавица,
Она мила собой.
Взгляни в окно,—понравится
И лаской и красой...

Глаза хмельные нежатся
И жарко от ланит,
Все тело белым снежится,
В об'ятнях горит...

А поступь гордо-плавная,—
Изнежена она...
Сегодня ночка славная—
Безмолвна и пьяна!

19/II—23 г.

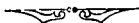
Цыганка.

Глаза цыганки хмельнее водки,
А тело жгучее горит.
Не тронь из табора молодки,
Иль сердце ласками спалит!

Полюбит—жизнь отдать готова,
Изменишь—мстительно убьет,
И горе огненное снова
Отвагой южною зальет.

Цыганка—вечная измена,
Иль верность в жизни огневой.
Полюбит—жизнь отдать готова
Своею жгучей красотой...

17/1 -23 г.
Туймино В. У.

Девичье—деревенское.

Заиграла, зазвенела
Русская тальяночка,
В пляс пустилась и запела
Девушка смугляночка...

Очи карие блестели,
Груди белые, как снег...
Щеки в плясе розовели,
А в улыбке—целый свет!

Эх ты, горе—наше горе,
Прочь с дороги, берегись!
Мы сегодня—бурно море—
Алым смехом разлились...

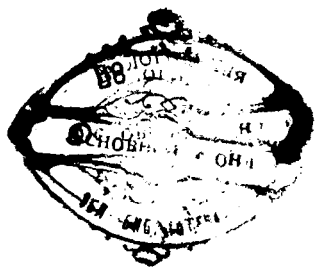
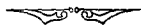
Мы сегодня праздник новый
Под гармонику ведем...
В хороводе лик суровый
Горя старого сметем!

Прочь кручинушка девичья!
Парень, крепче обхвати!
Наша доля—доля птичья --
В раз спорхни да улети!

Гармонист, играй живее,
Сердце юное зажги!
В пляс, ребята, веселее,
Мил, на клавиши нажми!

* * *

Эх ты, русская деревня,
Буйно-вольная моя,—
В горе-ль, в радости-ль несется
Песня вечная твоя!..

Песня косарей.

Мы косцы—молодцы
В бой с травой пойдем,
Из фиалок венцы
Завтра миру сплетем.

Поле—ширь, все кругом
Поустлано травой,
Мягким пухом—ковром,
Перекатной волной...

Ветер дует, поет,
Волны бурно шумят...
Где коса ни пройдет,
Там сугробы лежат.

Эй, родные поля!
Ароматы—луга,
От руки косаря,
Умирает трава...

От руки молодца
Все нещадно летит...
И от радость—венца
Остается гранит.

Мы косцы-молодцы,
Поле с боем пройдем
И для мира венцы
Из фиалок сплетем.

8/VII—20 г.

Соловки.

Я вчера утопал в алом маке знамен,
В миллионных рядах песню новую цел!
Я горел, как горят лишь в об'ятях времен,
Голос мой, словно хохот весенний, звенел...

Я вчера был ребенком с игривой душой,
Среди моря седых ветеранов—отцов...
В алом маке знамен утопал голос мой,
В звонком шелесте их улетал далеко...

(Л—ле).

Шумят— поют седые ели
Под скрипки мерзнущих саней.
В душе тоска. И вой мятели
В глуши безбрежных пустырей...

В руках прощальная записка,
В ней вопль знакомого — „люби!“
А тучи темные так низко
Склонились грустно впереди...

Шумят таинственно гиганты,
Мятели пьяные поют...
А думы, словно арестанты,
В цепях сознания бредут...

Непогода гуляет на улице,
Ветер пьяные вихри кружит.
В сердце злора какая-то курится,
Грудь к кому-то тоскливо спешит...

Песни грустные слышит мятежное
Рядом с гимнами вольных людей.
Небо хмурится — снежное, снежное
Там — в дали голубых пустырей...

Непогода всегда ли на улице?
Ветер пьяный всегда ли поет?

.

В сердце злора какая-то курится
И куда-то надменно зовет...

Северное.

Снежное небо слезится и плачет,
Тучи дымятся тоскливо вдали...
Кто-то там в поле сугробистом скачет,
Кто-то метет за собой пустыри...

Всадник ли поздний, с прогулки вчерашней,
Едет куда-то на черном коне?
Небо тревожное девушки краше...
Всадник ли едет, иль это во сне?

Слышится песня протяжная где-то,
Вьюга сегодня не в меру пьяна,—
Старая, что-ли, устало пропета
Или ночная кутит типина!?

Вьюга тревожится буйно и хмельно,
Ветер мятежный куда-то спешит.
Серые тучи ложатся постельно,
Кто-то в сугробах угрюмых кричит.

Всадник ли это с прогулки вчерашней
Скачет куда-то на черном коне?
Небо тревожное девушки краше...
Всадник ли едет, иль это во сне?

Перед бурей.

Непогодно, шум на улице.
Перед бурей ли большой?
Ветер буйный что-то хмурится -
И мятежный и немой...

* * *

И полночная метелица
Слепит окна наших рам.
Небо будничное снежится
На потеху злым ветрам...

* * *

Непогодно, ветер в бешенстве
Песню пьяную поет...
Перед бурей что ли тешится?
В битву что ли он зовет?...

Анюта.

Распустила косы, груди оголила.
— Экое бесстыдство!—слышится кругом...
Девушка Анюта крепко полюбила,
И гордится милым, дорогим дружкойм.

Что ей до деревни и до баб сварливых,
Сплетен не боится, любит горячо.
Девушка Анюта не из тех стыдливых,
Что боятся выйти дома на крыльцо.

Сердце огневое загорелось сильно,
И пылают жгуче серые глаза.
Полюбила парня крепко девка, видно,
И страшна ли девке отчая гроза?

Парень—комсомолец первый по деревне:
И красив, и статен, и речист—беда!
Всей душой свободе этот парень верен,
А любовь Анюты—видно уж судьба...

Да и девка тоже: с красными, бывало,
Марсельезу пела, пела без конца...
Уж от песни этой сердце трепетало
Даже у Ивана—грозного отца.

Или в праздник светлый красные знамена
Без суда, без спроса вышивать пойдет.
Лето-ли наступит, иль зима студена—
Девка, словно роза алая, цветет...

Полюбились оба не на шутку, видно.
Молодость и правда обвенчали их.
Груди оголила девушка,—не стыдно,—
Любит так Анюту избранный жених...

13/1—23 г.
Юхнево.

Песня.

Посв. Жене.

Грустно снова стало,
Грустно не по силам,—
Сердце перестало
Говорить о милом.

Грусть-тоска заела
Душу молодую,
И понять не в силах
Я тоску такую.

А ведь он то любит,
Любит так сердечно,
День и ночь милует
Он меня беспечно.

Грусть мою он знает,
Да понять не может.
Говорит—вздыхает
Сердце так и гложет..

.

Грустно, тяжело стало,
Грустно не по силам,—
Сердце перестало
Говорить о милом...

1922 г.

Зачем живу.

Посв. Е. М.

Зачем живу, зачем страдаю,
Зачем тоскливо грудь болит?
Чего от мира ожидаю:
Любви, иль тягостных вериг?

Зачем с тоскою беспредельной
Ищу ответа у людей?
А дни идут, идут недели,
И все становится темней...

Я неизведанное в жизни
Хотела-б сразу пережить;
Хотела-б пламенно и сильно
До бесконечности любить!

И душу огненную в страсти
Я расплеснула бы шутя,
Отдавшись вся героя власти,
Как думам вольная мечта ..

Но иронической судьбою
Не суждено мне пережить,
Чему с таинственной любовью
Была-б готова я служить.

10/1—23 г.
Юхнево.

В альбом А. К.

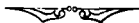
Прекрасное, как дали,
Как снежные поля,
Увидишь не в печали,
А горячо любя.

Как небо голубое
В улыбке вековой,
Пусть сердце огнёвое
Нарушит твой покой.

А жизнь—Венеры краше
И солнечных лучей,
Любовь—спасенье наше
От вечных пустырей.

Люби—совет поэта,
Кто любит—тот живет.
Любовью жизнь согрета,
С ней светлое придет!

17, I—23 г.
Вельск.

Двойной образ.

I

Один сижу, подавленный тоскою,
И мрачно в даль прозрачную смотрю.
Лишь образ твой всегда передо мною,
И будто я с тобою говорю...

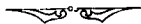
Темно в душе, порывы догорели,
И силы все изсякли в злой борьбе,
Но в образе твоём мелодии запели,
И стало лучше, легче стало мне.

II

Лицо твое упреками горело,
Глаза сверкали злобою большой,
А счастье прошлого в моей душе тускнело,
И стало ясно мне, что я уже не твой...

II нет раскаянья в груди потухшей.
Хоть мертвый взгляд, но все же гордый он...
И силы нет понять любви уснувшей
Когда-то милый, нежный перезвон...

1922 г.

Будущее лето.

Лето, лето, друзья
На луга, на травку!
Все за мною! Там я
Расскажу вам сказку...

Посмотрите кругом,
Благодать какая!..
Все цветет да живет,
Горести не зная...

Лес, поля и кусты
Опушились сразу.
Я такой красоты
Не видал ни разу.

И деревня живет
Тихо и спокойно.
Все кругом счастье пьет
Чаркою престольной.

Лето, право, друзья!
Благодать, какое!
Мир—святая земля,
Время золотое!

20/VII—20 г.
Соловки.

Любовь.

Любовь — весна и хохот безудержный,
Любовь — измена черная, как ночь.
Любовь — порыв томительный и нежный,
Любовь — огня и поцелуев дочь.

В любви сердец — господство бурной страсти,
В улыбках томных — крашенная ложь..
Мгновенье тел... а там одни напасти,
Вчера любимый — завтра непригож ..

Поцелуй.

Поцелуй — огонь мятежный —
 Поцелуй весны...
Взгляд игривый — нежный, нежный,
 Грудь — как взлет волны...

Поцелует, словно скажет:
 — „Для тебя! —
Сердце с сердцем узел вяжет,
 Полюбя.

Кровь волнуется пугливо,
 Грудь — вулкан.
Поцелуй меня, мой милый
 Истукан!

Создава я для волнений
 И тревог.
Твой порыв — испуг весенний, —
 Мой чертог.

Поцелуй еще разочек,
 Милый друг,
В губы, в ротик, если хочешь —
 Где испуг...

Поцелуй.. ах мило, мило,
Мило без конца...
Все лицо стыдом залило,
Словно у венца.

Ну вот так, так, так, миленок,
Поцелуй еще,
Крепко, крепко, мой орленок,
Горячо...

Поцелуй — огонь мятежный,
Поцелуй весны.
Взгляд игривый — нежный, нежный,
Грудь — как взлет волны.

1922 г.

В поднебесьи.

В поднебесьи синевласом
Алой лентою легло
И пленительно погасло
Солнца красного крыло.

Небо пыжится в бессильи
И, готовое родить,
Все покрылось мгlistой пылью.
Просит жажду утолить

Муть землистая планеты
Глоткой, высохшей в жару...
Просыпаются кометы.
Даже крошке комару

В темноте ночной приснилось
Тело теплое в крови...
На мгновение прояснилось
Небо синее вдали

И опять в потугах мрачных
Собирается родить,
Чтобы высохшие глотки
Чревом мокрым утолить ..

Муть землистая планеты,
Длиннохвостые кометы,
Люди — крошки комары —
В поднебесьи синевласом

Отражения полны

Алой лентою застыло
И, прожженное, легло
Солнца красного светило—
Лучезарное крыло.

17/II—23 г.
Вологда.

Поэт народа.

О чем поет поэт народа,
Кому слагает песнь свою?
Близка ль душе его невзгода,
Вчера убитая в бою?

Иль гимны старые на лире
Играет он в тиши ночной,
Забыв встревоженное в мире
Великой классовой войной?

Иль ближе сердцу молодому
Цветы и песни соловья,
Чем смысл семнадцатого года
И зовы брата—Октября? .

Нет!.. Он поет мотивы мира
И грохот пламенной борьбы ..
Передает поэта лира
Неумолимое судьбы...

Он песнь свою слагает сталью
И в битвах грозно-боевых
В соседстве с мировой далью
Кует свой пролетарский стих.

Он—сын семнадцатого года,
Он—брат мятежный Октября.
Поэт всесветного народа—
Призывов пламенных заря!..

Другу.

Коль жизнь в борьбе не надоела,
Коль сердце страстное горит,—
Живи, мой друг, во славу дела,
Которым красный мир кипит.

Стремись к великому упорно,
Борись за каждый светлый миг.
Борьба—изменчивость просторов,
Борец—в безумии велик!

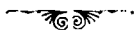
И где бы ни был ты сегодня,
Куда бы завтра ни пошел—
Везде хохочет преисподня,
Веков пылающий котел;

Везде безумное, как призрак,
Тебя мгновенно ослепит,
И сердце пламенное сильно
Тогда тоской заговорит...

Когда почувствуешь, что правду
Надменный мстительно поправ,—
Тогда, мой друг, борись отчаянно
За мира вечный идеал!

Борись за правду человека,
В труде поправшего позор,
И огнедышащего века
Люби ликующий простор!

16¹—23 г.
Вельск.

Отрывки.

I. Капитал.

Блестит предо мной золотая руда,
Горят, разноцветно рубины;
К их сердцу провел я свои провода
Через все мировые долины...

Весь мир я держу в золотом кулаке,
Мне труд повинуется вечно.
Держава моя — не подобна-ль реке,
Чьи волны покорно-беспечны...

Дворцы и казармы, заводы и тюрьмы,
Поля и деревни — владенья мои.
Мой голос — вселенной немолчные трубы,
Мне звездные песни поют соловьи.

Народы — послушный веков карнавал —
Лежат у подножья твердыни моей.
Я — мира владыка! я — бог капитал!
Вовек не расстанусь с державой своей!..

II Труд.

Ответ мой краток капиталу:
Я—Труд, окрашенный борьбой,
И мировому карнавалу,
В борьбе за Мир, я -- брат родной.

Моими твердыми руками
Все *капиталы* созданы;
И нет согласия между нами,
Мы—в состоянии войны!

Я был в плену тюрьмы железной,
Прикован был, как Прометей;
Я день и ночь гранит вселенной
Дробил во славу богачей.

Дворцы, железные дороги,
Заводы, фабрики— мои!
Во всем печать моей тревоги
И слез обильные ручьи...

Я создал мир! Но и разрушил
Его я огненной рукой
И алым хохотом нарушил
Веков томительный покой!

За дело вечное народов,
За правду красную земли,
Иду я боевым походом
В пространства светлые мои!..

.

России.

Кто, как не ты, в огне восстаний,
Под знаком пламенной борьбы,
Прошла тяжелый путь страданий
В плену безжалостной судьбы?

Чье тело цепи целовало?
Чей дух от рабства холодел?
Россия! ты одна сказала
Врагам наглеющим:— „предел“!

Предел Батыевым погромам!
Конец монархам и князьям!
И разразилась мощным громом
По беспредельным пустырям...

Своих сынов с времен татарских
Питала разиновщиной ты
И в пламень горнов пролетарских
Влила народные мечты.

Ты прозвенела алым смехом
У тронов вымерших господ...
Весь мир взметнула буйным эхом
И все звала:— „вперед! вперед!“

„Вперед!“ — звучало миллионно,
Россия — символы времен...
И мир спешит неугомонно
В объятия красные знамен.

Россия! шествуй огнелико,
Уж близок солнечный восход!
Ты будешь в вечности великим,
Тираннов свергнувший народ!..

30/xi—22 г.

Русскому пролетарию.

(К 1-му мая)

Сегодня в Пасху пролетарскую
Знамена выше подыми
И силу мощную, бунтарскую
Шакалам мира покажи.

Ты раб вчерашнего хозяина,
Сегодня—властный господин...
Над миром красное восстание
Ты поднял с гордостью один.

Ты победил орду несметную—
Маммоны трон испепелил...
Коммуну равенства всесветную
В сердцах рабов воспламенил.

Маяком солнечным в окружности
Ты освещаешь миру путь,
И все в нем лживое с наружности
Ты заставляешь проклянуть...

Твоих трудов плоды бессмертные
Цветут и зреют с каждым днем;
Твоих стремлений беззаветные
Сердца наполнены огнем.

Ты победишь весь мир насилия,
Царем вселенной будешь ты,
О, раб вчерашнего бессилия,
Твой героизм—веков цветы.

Сегодня в Пасху пролетарскую,
Знамена выше подыми
И силу мощную бунтарскую
Шакалам мира покажи

19 апреля 1921 г.
Архангельск.

Мы пасху светлую встречаем,
Мы славим новый первый май...
Цветы коммуны собираем,
И твердой поступью шагаем
В ваш пролетарский—братства рай.

Мы—победители вселенной,
Эпохи солнечной сыны...
Своею поступью бессменной,
Всегда стальной и неизменной,
Несем гирлянды красоты!

Для нас преград не существует,
Преграды—миф былых времен...
В нас сердце красное бунтует
И новый путь борьбой трамбует
Через бездну бурь и перемен...

1920 г.
Соловки.

Загадка бытия.

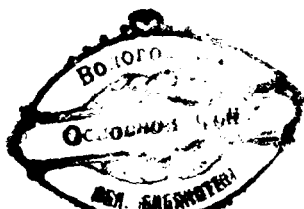
Загадка бытия в созвездиях эфира,
Где слово „Бог“ господствует века,
Разбита в прах усилиями мира,
Ударом огненным людского молотка:

Науки нож разрезал мрак вселенной
И разрешил больное навсегда...
Загадка бытия—загадка правды тленной,
А Бог—сознание грустное раба.

Ты, человек,—начало сказок мира
И ты же—вечность в вечности борьбы...
Вчера ты создал таинство эфира,
Сегодня разрубил кошмарное судьбы...

С тобой наука—свет неугасимый,
Ищи ответов у нее одной.
Вчерашний мир—кошмарный и незримый
Лежит в пыли сегодня пред тобой!

51—23 г.
Няндомы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Родись, Коммунар	3
2. Зимнее небо	4
3. Прошлому	6
4. Проститутка	9
5. Узник	11
6. Русская девица	12
7. Выйду в поле	13
8. Ночь	14
9. Цыганка	15
10. Девичье, деревенское	16
11. Песня косарей	18
12. Я вчера утопал	19
13. Шумят—поют	20
14. Непогода	21
15. Северное	22
16. Перед бурей	23
17. Анюта	24
18. Песня	26
19. Зачем живу	27
20. В альбом	28
21. Двойной образ	29
22. Будущее лето	30
23. Любовь	31
24. Поцелуй	32
25. В поднебесьи	34
26. Поэт народа	36
27. Другу	37
28. Труд и капитал	39
29. России	41
30. Русскому пролетарию	43
31. Мы пасху...	45
32. Загадка бытия	46

